

«Вы опасны»

1983 [1].

Роже Кнобельшписс, сидевший в тюрьме за кражу восьмисот франков, получает условное освобождение. Вновь арестованный за воровство, он попадает в блок для особо опасных преступников и пытается изобличить условия содержания в нем. Его борьба делает его популярным среди журналистов, интеллектуалов и деятелей искусства. С целью пересмотра его дела образуется комитет — куда М. Фуко не входит, — который требует от Фуко написать предисловие к книге Р. Кнобельшписса «Блок для особо опасных преступников» [Q.H.S.: quartier de haute sécurité (Paris, Stock, 1980)]. Когда левые приходят к власти, дело Р. Кнобельшписса пересматривают, а его освобождают. Вновь арестованный за грабеж, герой процесса, бывший символом несправедливости правосудия, становится воплощением сверхтерпимости левых и безответственности интеллектуалов. В данной заметке М. Фуко реагирует на эту кампанию².

Я удивлен. Но не происшедшим, а реакциями на него и тем оттенком, который придали событию.

Что же произошло? Человек приговорен к пятнадцати годам тюрьмы за грабеж. Спустя девять лет руанский суд присяжных объявляет, что приговор Кнобелыпписсу оказался явно чрезмерным. Освободившись, он недавно получает новое обвинение за другие проступки. И вот, вся пресса вопиет об ошибке, об одурачивании, о моральном отравлении. Но вопиет против кого? Против тех, кто требовал более соразмерного правосудия; против тех, кто утверждал, что тюрьма не в состоянии исправить осужденного.

Поставим несколько простых вопросов:

1) Где ошибка? Те, кто попытался серьезно поставить проблему тюремного наказания, много лет говорят: тюрьма учреждена, чтобы наказывать и исправлять. Она наказывает? Возможно. Она исправляет? Конечно, нет. Она не дает ни интеграции в социум, ни воспитания, а только лишь способствует формированию и укреплению «среды правонарушителей». Попадающий в тюрьму за кражу нескольких сотен франков имеет больше шансов выйти из нее гангстером, нежели честным человеком. Книга Кнобелыпписса хорошо это продемонстрировала: тюрьма изнутри, блоки для особо опасных преступников могут довести до бешенства. Это говорил Кнобелыпписс, это говорили и мы, нужно было, чтобы все об этом узнали. Насколько нам известно, факты могут подтвердить это.

2) Кто одурачен? Очевидно, те, кому хотели внушить, что длительное пребывание в тюрьме всегда полезно для того, чтобы исправить опасного субъекта или воспрепятствовать рецидиву у правонарушителя, совершившего первое преступление. Равным образом одурачены те, кому хотели внушить, что пятнадцатилетний тюремный срок, к которому Кнобелыпписс был приговорен за недостаточно точно подтвержденный факт, мог в высшей

степени благотворно воздействовать на него и на других. Люди одурачены не теми, кто стремится, чтобы правосудие было по возможности щепетильным, но теми, кто обещает, что плохо продуманное наказание обеспечит безопасность.

3) А где же моральное отравление? Солженицыну принадлежит великолепная и жесткая фраза: «Не следовало бы доверять тем политическим лидерам, у которых есть привычка героизировать их тюрьмы». Существует целый жанр бульварной литературы и пошлой журналистики, где практикуется одновременно и любовь к правонарушителям, и панический страх перед правонарушениями. Герой-бандит, враг общества, неукротимый бунтарь, черные ангелы... Именами великих убийц или знаменитых гангстеров подписывают книги, написанные издательскими редакторами, — и средства массовой информации восхищаются всем этим. Тогда как реальность совершенно иная: мир правонарушений и тюрьмы жесток, мелочен и пошл. Моральное отравление — в том, что об этом умалчивается. Оно — в том, чтобы драпировать эту реальность в смешную мишуру. Такая двусмысленная героизация опасна, поскольку обществу необходимо не любить или ненавидеть преступников, но по возможности точно знать, кого оно наказывает, за что наказывает, как наказывает и с какими последствиями. Она опасна еще и потому, что нет ничего легче, нежели подпитываться этой смутной экзальтацией в общем климате страха и ненадежности, когда с обеих сторон ожесточается насилие.

4) В чем заключается смелость? Она в серьезности, с которой мы стараемся непрестанно ставить и вновь формулировать проблемы, относящиеся к наиболее старым в мире: проблемы правосудия и наказания. Правосудие никогда не должно забывать, как трудно быть справедливым и легко быть несправедливым, какой работы требует обнаружение атома истины и насколько опасно злоупотреблять властью. Значение таких обществ, как наше, заключалось в том, что на протяжении столетий, проходя дискуссии, полемику, а также заблуждения, они задавались вопросом, каким должно быть правосудие. Правосудие — я говорю здесь об институте — заканчивает служением деспотизму, если у тех, кто его отправляет, и у тех, кого оно защищает, нет смелости делать из правосудия проблему. С этой точки зрения важна работа нынешнего министра юстиции З по более обширному переосмыслению системы уголовного права, чем это проводилось до сих пор. В любом случае руанские судьи и присяжные проявили верность этой традиции и этой необходимости, когда объявили чрезмерным вынесенный Кнобельшписсу приговор. Чрезмерным, следовательно опасным для всех.

5) В чем же опасности? Опасности — в правонарушениях. Опасности — в злоупотреблениях властью. И в спирали, связывающей первые и вторые между собой. Необходимо бороться со всем, что может усилить правонарушения. А также со всем, что, ставя цель наказать за правонарушения, рискует усилить их.

Что же касается вас — для кого сегодняшнее преступление оправдывает вчерашнее наказание, — то вы не умеете рассуждать. Хуже того — вы опасны для нас, но также и для самих себя, и когда-нибудь вы, подобно нам, получите удар со стороны правосудия, уснувшего от своего произвола. К тому же вы представляете историческую опасность. Ибо правосудие всегда должно задаваться вопросами о самом себе — подобно тому как общество может жить лишь работой над самим собой и над своими институтами.

Версия #3

Зверобой создал 1 февраля 2026 02:46:20

Зверобой обновил 1 февраля 2026 23:27:26